

Змейка в игре уже давно вышла за пределы экрана телефона.

Ли Ань смотрел на бестолкового Гао Гэ и чувствовал, будто бьет кулаком в вату — ни боли, ни толку.

Он выхватил у Гао Гэ телефон, швырнул его в салон автомобиля и в ярости воскликнул:

— Хватит играть! Завтра выложи что-нибудь в Вэйбо, подними популярность новичку, которого мы только что подписали. И еще: я сколько раз тебе повторял, держись от Цяо Ичэня подальше! Твоя карьера сейчас на подъеме, нельзя, чтобы ходили слухи, особенно о гомосексуальных связях, которые общество не одобряет. Если, конечно, ты не хочешь вылететь из шоу-бизнеса! Запомни: держись от него так далеко, как только сможешь.

— Да ты задолбал уже! Как баба, честное слово, нудишь и нудишь, тошно слушать.

Ли Ань в шоке уставился на Гао Гэ:

— Тан Сун, что с тобой? Ты раньше никогда не смел разговаривать со мной в таком тоне.

Тан Сун... Твой Тан Сун давно мертв, а вот я — кто я? Черт возьми, я и сам не знаю, что со мной.

Гао Гэ глубоко вздохнул, посмотрел на Ли Аня и произнес:

— Ладно, езжай уже. Если что нужно будет, созвонимся. И отмени все мои ближайшие анонсы.

— Без проблем. А что сказать компании?

— Скажи, что я болен.

Ли Ань согласился подозрительно охотно — он только и мечтал, чтобы Гао Гэ никогда не стал популярным.

Они вышли из машины, и Ли Ань открыл багажник.

— Я перевел твоего ассистента к новичку. Тут подарки от фанатов, выбери пару штук и выложи в Вэйбо.

Гао Гэ прошел долгий путь от никому не известного новичка до звезды первой величины, и поддержка фанатов действительно давала ему силы. Он помнил, как в вечер перед аварией сам собственноручно подписывал для них пожелания.

Гао Гэ, нагруженный шестью-семью пакетами в левой руке и стопкой коробок высотой по пояс в правой, прикусил зубами еще один пластиковый пакет.

Когда он дошел до лестничного пролета, верхняя коробка вот-вот должна была соскользнуть, но ее подхватили чьи-то красивые руки.

В тот же миг тяжесть исчезла, пакет изо рта тоже, и все подарки надежно оказались в руках у Цяо Ичэня.

— Что такое? Увидел, что я калека, и стало жалко?

Цяо Ичэнь ответил:

— Да.

— Жалеть меня и должен, в конце концов, это из-за тебя я поранился.

— Разве я не делал тебе горячий компресс?

— Ты называешь это компрессом? Сам посмотри, пальцы до сих пор опухшие!

Цяо Ичэнь шел впереди и вдруг остановился. Повернув голову и придерживая коробки грудью, он свободной рукой достал из кармана тюбик с мазью и бросил его Гао Гэ.

— Мажь утром и вечером на чистые руки.

Гао Гэ повертел мазь в руках:

— Хоть какая-то совесть у тебя есть.

Только вот такого огромного тюбика хватит на целую вечность!

В общежитии, едва Цяо Ичэнь опустил подарки, он увидел, что Гао Гэ сидит на кровати и мажет пальцы, даже не помыв руки.

— Иди помой руки.

— Ничего страшного, на грязи быстрее заживает.

Цяо Ичэнь отобрал мазь и посмотрел на Гао Гэ сверху вниз.

Они простояли так минуту, глядя друг другу в глаза, после чего Гао Гэ понуро поплелся мыть руки.

— Гао Гэ, ну ты и трус! — раздался в голове пренебрежительный голос Сяо Ху.

— Ты ничего не понимаешь, это называется гибкость. Чтобы он не разозлился и очки злых помыслов не подскочили.

Услышав про очки злых помыслов, Сяо Ху тут же поддакнул:

— Да-да, точно, они ни в коем случае не должны расти. Гао-гэ, поднажми!

Мазь, которую наносил Цяо Ичэнь, приятно холодила пальцы. Даже видя лишь его полупрофиль, Гао Гэ чувствовал странное умиротворение. Раньше он всегда считал себя красавчиком, но, глядя на Цяо Ичэня с такого близкого расстояния, вынужден был признать: тот красивее, чем он сам — то есть, чем тот он, который попал в аварию.

— Больно?

— Нет, даже приятно.

— Поглубже, — Гао Гэ указал на межпальцевые промежутки.

— Может быть немного больно, потерпи.

— А... э... нет, нет, все-таки слишком больно!

Ли Чжэнь, стоявший за дверью, услышал доносившиеся изнутри стоны и тут же нафантазировал себе кучу всякой пошлости.

<http://bllate.org/book/21634/2232145>